

Ей было шестнадцать лет

В бескрайней Кубанской степи, между станицами Гулькевичской и Новокубанской, среди буйно разросшихся лесных полос приютился небольшой хутор Георгиевский.

Сотни таких хуторов раскинуты по Кубани на берегах тихих речушек, на перекрёстках просёлочных дорог. И многие, проезжая мимо Георгиевского, может быть, не знают, что в годы Великой Отечественной войны этот хутор был сожжён дотла, что здесь советская девушка, комсомолка Дуся Сорокина повторила бессмертный подвиг Зои Космодемьянской.

...Летом 1942 года гитлеровские полчища вторглись на Кубань.

Как-то вечером, вернувшись из райкома партии, председатель колхоза «Дружный труд» хутора Георгиевского Дмитрий Семёнович Сорокин сказал своей жене Ольге Максимовне:

– Собирайся, мать... Утром возьмёшь две подводы и выедешь с детьми...

– А ты?

– Я задержусь на денек, потом догоню вас.

Он не признался жене, что по решению райкома партии остаётся в тылу врага для организации партизанской борьбы с гитлеровцами.

Утром из хутора вышло несколько подвод. На передней, держа вожжи в руках, сидела Дуся – шестнадцатилетняя дочь Сорокина. Её тонкие брови были сдвинуты к переносью, а губы упрямо сжаты. Ольга Максимовна с другими детьми ехала на второй подводе. Она смотрела на хутор, и глаза её были наполнены слезами.

На другой день гитлеровская армия прошла через хутор и ушла на восток. В станице Гулькевичской поселился немецкий комендант. Жизнь на хуторах и в станицах замерла.

Но вот немецкий комендант получил донесение о том, что около хутора Георгиевского пять вооружённых русских напали на гитлеровских солдат, а спустя несколько дней эти же партизаны освободили большую группу пленных.

Фашисты встревожились. Комендант собрал полицаев, прочесал лесополосы, окружавшие хутора, и лес невдалеке от Георгиевского, но партизан не обнаружил. Однако предатели донесли, что партизанской группой командует бывший председатель колхоза «Дружный труд» Сорокин – коммунист, участник гражданской войны.

В один из осенних дней на хутор неожиданно возвратилась Ольга Максимовна с детьми. Эвакуироваться им не удалось: дорога оказалась перерезанной врагом.

От колхозников Ольга Максимовна узнала, что её муж – партизанский вожак. Каждый день проходил в тревоге. Ночами она не спала, сидела у окна, прислушивалась. Но полицаи пока не трогали семью, рассчитывая, что когда-нибудь Сорокин придет навестить родных...

Дуся похудела, осунулась и почти не выходила из дому. Изредка к ней прибегала подруга Рая. Они вспоминали, как весной и летом работали на поле, как их звено завоевало первенство в колхозе...

Однажды ночью кто-то постучал в окно.

Дуся вышла на крыльцо и, никого не встретив, хотела было захлопнуть дверь, но из-за угла выглянул человек.

– Не бойся. Я партизан Иван Бабич. Принёс привет от отца.

Дуся нетерпеливо спросила:

– Что с ним?

– Всё в порядке. Хочет повидаться с тобой. Не боишься одна идти в лес?

– Сейчас?

– Через два часа.

– Не побоюсь! – решительно заявила Дуся.

Резкий ветер свистел, крутил хлопья снега, когда Дуся подошла к опушке леса. Она остановилась, прислушалась. В непроглядной тьме чуть шумел лес, да отчаянно колотилось в тревоге сердце. И вдруг где-то совсем рядом зашептал знакомый голос:

– Дуся, ты?

– Папа, родной!...

Сорокин обнял дочь и стал расспрашивать, как живёт семья, что делается на хуторе. Выслушав её рассказ о бесчинствах гитлеровцев, он несколько мгновений молчал, потом сказал:

– Так вот, дочка... Думаю назначить тебя связной нашей партизанской группы. Фашистов ты, я вижу, не боишься... Согласна?.. Им недолго хозяйничать на кубанской земле. Под Сталинградом их разбили. Скоро, доченька, будет и у нас праздник. Может быть, к весне. А весной надо сеять: стране нужен хлеб. Задача нашей партизанской группы — сохранить колхозы на всех хуторах, не дать фашистам вывезти зерно, сберечь лошадей, машины.

– Мне всё понятно, папа. А что сказать маме?

– Маме пока ничего не говори. Она не должна знать, что ты партизанка... Ну, пора!

Шли дни. Ольга Максимовна стала замечать, что Дуся иногда исчезает по ночам, часто бывает на вечеринках молодёжи, а днём ходит весёлая. Однажды она услышала, как дочь вслух проговорила: «Об этом надо доложить отцу». Как-то к Дусе пришёл парень. Они говорили тихо, но до матери донёсся шёпот: «Добыл ящик патронов и два автомата». «Хорошо, – ответила дочь. – Продолжайте сбор». Ольга Максимовна догадалась, что Дуся стала партизанкой.

Сорокин был доволен работой дочери. Связная приносила много ценных сведений, аккуратно выполняла все задания. Однажды, прибежав в лес и разыскав отца, она доложила:

– Старший полицай Иващенко составил список коммунистов, комсомольцев и колхозного актива. Хвалится, что всех расстреляют. Сейчас Иващенко на хуторе пьянствует с полицаем Терещенко...

Час спустя пара резвых коней, запряженных в сани, примчала на хутор Георгиевский партизан. А ещё через час в лесу перед отрядом стояли связанные полицайи.

– Где список? – спросил Сорокин старшего полицая.

– Нет у меня никакого списка, – пролепетал Иващенко.

– Врёшь! Обыскать его!

Список оказался в грудном кармане. Сорокин присветил фонариком.

– Ишь, гады! – вырвалось у него. – Не только жён, даже детей записали.

Он вынул пистолет.

– Слушай, ты, предатель! Именем Советской власти приговариваем тебя как изменника к расстрелу.

Терещенко не стали расстреливать. Сорокин сказал ему:

– Иди и сохраняй колхозное добро. Куда делся Иващенко, ты не знаешь. Попробуй только рассказать фрицам!... Понятно?

Но Терещенко, видимо, сообщил коменданту о случившемся. Два дня спустя на хутор Георгиевский нагрянул карательный отряд. Ольга Максимовна с младшими детьми успела спрятаться. Дуся побежала к лесопосадке, но гитлеровцы настигли её и сбили с ног.

– Кто ты есть? – спросил офицер, впиваясь глазами в её лицо. – Ты есть дочь Сорокина?

Дуся молчала.

– Не хочешь отвечать? – усмехнулся офицер. – Заговоришь...

Дуся знала: теперь её начнут избивать. Но надо вынести всё... Она давала клятву отцу, что ничего не скажет...

– Ты партизанка, – словно издалека донёсся до неё злой голос, и офицер ударил её кулаком по лицу. Из рассечённой губы потекла кровь...

На другой день всех жителей Георгиевского согнали на широкую хуторскую улицу.

Офицер поднялся на автомашину и обвёл глазами притихших людей.

– Среди вас, – сказал он, – находится семья Сорокина – жена и дети. Вы должны выдать их.

Ольга Максимовна побледнела.

– Заберите детей, – тихо сказала она, отталкивая от себя дочерей Марусю и Нину. – Может, уцелеют...

Прошло несколько минут. Толпа безмолвствовала.

– Не хотите выдавать?! – закричал офицер. – Хорошо. В таком случае я буду вынужден сжечь ваше селение. Даю срок – пять минут!

Ольга Максимовна рванулась было вперёд, преисполненная отчаяния и решимости, но услышала чей-то властный шепот:

– Не смей!..

Первой запылала хата Сорокиных. А вскоре огонь охватил весь хутор.

...Дусю привезли в Кировский поселок, где находился штаб карательного отряда.

В комнате, куда её ввели, сидел, откинувшись на спинку стула, офицер. Смерив девушку взглядом, он спросил:

– Где находится отряд Сорокина?

Не получив ответа на вопрос, офицер подошел к Дусе и наотмашь ударил кулаком в лицо. Девушка упала.

– Привести в чувство, – буркнул офицер, – и раздеть догола!

Солдат плеснул из кружки воду, затем бесцеремонно поднял Дусю на ноги.

Несколько мгновений офицер молча разглядывал стройную фигуру девушки, затем проговорил:

– Ты могла быть хорошей любовницей немецкого солдата. Такая девушка не должна заниматься политикой... Скажешь, где Сорокин, – мы устроим твою жизнь. Не скажешь – прикажу вырезать на груди звезду... Ну, говори!

Дуся широко открыла глаза, откинула голову: нет, она не станет предателем, не будет просить пощады...

Гордо и звонко прозвучал её голос:

– Я комсомолка и не боюсь вас. Советские воины отомстят за меня!

Офицер сбил девушку с ног и, приказав солдату держать голову партизанки, начал вырезать на её груди пятиконечную звезду.

Через несколько минут палач распорядился:

– Собрать население посёлка!

Дусю снова привели в чувство, кое-как одели, усадили на стул. Чтобы не кричать от боли, она прикусила губы. Перед её глазами всё плыло, как в тумане.

– Веди на улицу! – скомандовал офицер.

Дусю вывели во двор. Было холодно, ветер раскачивал голые ветви деревьев. Хмурое небо, казалось, опустилось к самой земле. Дуся шагнула к воротам, через верхнюю перекладину которых была перекинута верёвка, увидела людей, тесно прижавшихся друг к другу, подняла руку и крикнула:

– Смерть фашистским оккупантам!

Удар в спину повалил её на снег. Трое солдат связали её ноги и потянули за конец верёвки...

Толпа ахнула. Кто-то приглушенно крикнул: «Гады!...»

– Разойдись! – гаркнул офицер и, когда народ рассеялся, приказал опустить подвешенную на землю. Через несколько минут Дуся открыла глаза.

– Теперь будешь отвечать? – спросил офицер.

Дуся покачала головой. Из её рта текла кровь.

– Отвечай! – заорал офицер и выхватил из кобуры пистолет.

Дуся подняла голову, взглянула на небо и прошептала:

– Прощай, Родина...

Офицер отступил на шаг. Он готов был рычать от сознания собственного бессилия.

– Иди! – приказал он.

Дуся пошла. Офицер поднял пистолет и выстрелил три раза подряд.

...Много времени прошло с той страшной поры. Давно отстроился сожжённый фашистами хутор Георгиевский, а память о подвиге комсомолки Дуси Сорокиной живет и будет вечно жить. Ей было шестнадцать лет. Какое горячее сердце погасили подлые враги!

Публикуется по: Соколов Г. Ей было шестнадцать лет //Смена. – 1956. – Март. – № 763 (<http://smena-online.ru/node/49694/print>)